

В л а д и м и р С а в и ч

РАССКАЗЫ ИЗ СБОРНИКА
« Б У Л Ь В А Р Н О С Т А Л Ь Г И Я »

Шпилька

Тимура Благодногова — студента консерватории по классу скрипки — вызвали в комитет государственной безопасности.

Следователь, к которому темным узким коридором направился Тимур, носил спокойную и миролюбивую фамилию — Иванов. Хотя у постоянных посетителей крыжистого здания КГБ, из окон которого, как шутили остряки, «хорошо был виден Магадан», Иванов шел под прозвищем «Зверь». Не следователь, а сущий дьявол. Даже номер его кабинета состоял из трех шестерок.

В отличие от своих товарищей по ремеслу, придерживавшихся (хотя бы на предварительных допросах) интеллигентных методов, Иванов с ходу, как он говаривал, ломал подследственным рога.

— Без срока, как ты понимаешь, Благодногов, ты от меня не выйдешь. Даже и не надейся! — пообещал Иванов еще не успевшему переступить кабинетный порог Тимур.

За следовательским окном млеял теплый сентябрьский день. Попасть в такой день в острог представлялось плевром в лицо мирозданию.

— За что срок, товарищ... Я... что... Я... ничего... — Тимур принялся возводить защитную линию.

— Пиночет тебе товарищ, а я — гражданин следователь. Понянет, смычок?! — смял оборонительный рубеж подследственного третий опер Иванов. — А за что срок, так тебе, лишенец, должно быть понятней моего. Компрометируешь звание советского гражданина. Раз. Якшаешься с представителями вражеских голосов и их подпевалами. Два.

— Я... Да... вы... Какие голоса... Какие подпевалы... Вы меня с кем-то путаете... — Благодногов попытался удержаться на пошатнувшихся рубежах.

— Молчать, отщепенец! Тунеядствуешь — три.

— Я учусь. Выступаю с концертами в подшефных колхозах...

— Закрой рот, Моцарт херов, четыре! Сегодня выступаешь, а завтра глядь — уже светит тебе статья, но не политическая, как ты здесь наивно полагаешь, а капитальнейшая УК 201, часть вторая — «злостное тунеядство». Я лично. Слышь ты? Лично! Охарактеризую тебя перед судом лет на пять, не меньше. И пойдете вы, мосье Дали, в такие дали, что вы и не ожидали, — удачно скаламбурил Иванов. — Смикител? У меня твои буги-вуги роги-ноги... — Иванов бросил на стол фрагменты чьих-то художественных работ, — во где сидят! — следователь постучал ладонью в области печени.

— Но это не мои! Я музыкант, а не художник... Вы меня явно с кем-то путаете...

— А мне до жопы. Твои, не твои. Тут, брат, важен результат! — Иванов окончательно смял защитные линии противника.

Но в эту минуту в кабинете зазвонил телефон.

— Как... Почему... Это не входит в разработку... — требования голоса на другом конце провода явно вызывали у следователя сложнопостановочную реакцию, — кто... откуда... так точно... разрешите выполнять...

Закончив телефонный разговор, Иванов отвратительно хрустнул пальцами, закурил и неожиданно сменил градус допроса.

— Закуривай, Тимур, — Иванов протянул подследственному сигарету. — Поговорим по-мужски. По-доброму, так сказать...

Благодногову показалось, что это был не просто звонок, а какой-то удачный поворот молекул, атомов и всяких там протонов-позитронов в мироздании в его пользу.

— Да, да, да... конечно... поговорим... по-мужски... почему нет... я готов... хорошему... — прикуривая сигарету, пообещал Тимур. — Я вас-с-с вни...мате... льно слу...у...шаю.

— Ну, вот и отлично. Вот и ладненько. Ты успокойся, соберись. Не надо бояться черта раньше времени. Вы ж меня все за зверя держите... Ведь так? А я никакой не зверь. И зла тебе, парень, не желаю. Его, знаешь ли, Тимур, сам себе человек на свой зад находит. Он ведь как, человек, думает. Вот он думает, борюсь я с властью. Как вы ее

там называете? О! Софьей Власьевной! Фиги ей в кармане кручу. Письма на вражеские голоса пишу. Иду, одним словом, праведным путем... Оно, конечно, может и так. Только ты же должен знать, куда пути эти праведные ведут. На Колыму они ведут, Тимур, на Колыму. А она... Колыма эта, Тимурка, пострашней самого ада будет. Честное партийное слово даю. Я там два года сержантом в ВВ оттрубил. Так что сужу не понаслышке... И задача нашей организации и меня как ее представителя указать человеку, в данном случае тебе, куда может привести выбранная тобой скользкая дорожка. Пойми, Тимур, ты не прав. Хотя в принципе ты парень хороший. Я характеристики твои просмотрел. Комсомольскую анкету. Наш парень. Голову даю на отсечение — наш! Фамилия у тебя правильная. И имя наше — звонкое. Родители, поди, в честь Тимура назвали? Только вот незадача — не ту ты команду себе подобрал, парень. Прямо скажем, шушера, а не команда, — спекулянты, отщепенцы и шизофреники. Один этот, как его, Ште... — Следователь запнулся и посмотрел в листок. — Шпильман чего стоит. Только я тебя прошу ради твоего же здоровья, не говори мне, что слышишь это имя впервые.

— Нет, не впервые. Я его хорошо знаю. Мы с ним вместе в консерватории учимся. Только он на фортепьянном отделении. Отлично знаю. Да что говорить, мы с ним с самого детства дружны! Его отец моим первым музыкальным учителем был...

— Ну, вот и молодец! — остановил перечисления Иванов. — Я ведь говорил, что ты наш парень. Советский! Все понимаешь. Всех знаешь. Если и дальше будешь так соображать, выйдешь отсюда переродившимся человеком. Новым, стало быть, человеком! Жизнь станет, Тимурка, лучше — жизнь станет веселей. Уж ты поверь, парень, слову бывалого чекиста.

— Ну, выйти от вас просто так невозможно, тем более новым человеком. Вы же от меня чего-то потребуете взамен. Ведь так?

— Потребуем, но немного. Для начала я хочу, чтобы ты пересмотрел свое отношение к жизни. Вышел, так сказать, на магистральное направление. В этом кабинете не только судят, но и блюдут, так сказать, права человека и дают надежду. Понял-нет?! Надежду. Вот понюхай, — Иванов сильно потянул ноздрями воздух. — Чуешь-нет, как ею тут пахнет.

На самом деле в Ивановском кабинете никакой надеждой не пахло, а несло такой тоской, бедой и безнадегой, перед которой даже

запахи смерти казались просто верхом парфюмерной промышленности. Долго еще этот запах носила на себе одежда Т. Благодравова — вытертый джинсовый костюм Wrangler, полосатый свитерок и помнившие времена «большого скачка» китайские кеды.

— И это все? — нервно кусая ноготь на указательном пальце правой руки, поинтересовался Тимур. — Если да, то даю вам слово, что с завтрашнего дня начну новую жизнь!

— Очень хорошо. Для первой, так сказать, официальной части нашей с тобой беседы просто прекрасно, ибо твое обещание дает мне право надеяться на твое согласие во второй конфин... короче, анальной части нашего с тобой разговора. Дело вот в чем, Тимур. Ты парень свой, и я ходить вокруг да около не буду. Есть у нас материал на этого твоего... как его? — Следователь заглянул в бумаги. — Шпильмана. Так вот на квартире у этого Шпильмана собирается всякий там народец. Такой, знаешь, кучерявый, без роду и без племени. Тот, что хлебом не корми, дай только покуролесить, да воду помутить. Потом сами в сторону, а нам эту воду с тобой, Тимур, пить. Короче, есть у меня к тебе просьба, но ты ее рассматривай как поручение. В том смысле, что партия сказала — надо, комсомол ответил — есть. Ты ведь комсомолец?

— Ну да, — подтвердил Благодравов.

— Так вот, будет у меня к тебе, комсомолец Тимур Благодравов, такая просьба-поручение. Надо тебе, Тимур, за этими шпи.. жги... льманами понаблюдать. Кто к ним ходит. О чем говорят. Чего замышляют. И обо всем услышанном и увиденном докладывать мне. Они ж, черти, дай им волю, атомную станцию подорвать могут. Известный народ воду в ступе мутить...

— В смысле, если в кране...

— А ты не смейся, Тимур. Ой, не смейся. У меня про этот народец интересные книженции имеются. Вот возьми, почитай на досуге. — Иванов придвинул к Т. Благодравову стопку тоненьких брошюр. Ну как, согласен? Пойми, это важно не лично мне, следователю Иванову, — это важно твоей Родине. Родина, Тимур, как и мать, у человека одна. Так разве ж мы позволим обижать всяким там космополитам нашу мать? Лично я не позволю. Ну, а ты решай сам. Сегодня ты Родине — завтра она тебе. Тут ведь скоро осенний набор, а в нем, может так случиться, недобор. Значит, консерваторию надо будет на два года отложить ради святого конституционного долга! И не

где-нибудь, а скажем, на магистральных направлениях. А там мороз, братец ты мой, ого-го-ого-го. Шинелька слабенькая. Перчаток не подвезли. А что ты думал?! Солдат обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы. И надо будет окоченелыми ручонками гайки крутить, гусеницы менять... Короче, через месяц кирдык твоим скрипичным пальчикам. Ну да ничего... переквалифицируешься на балалайку. А что — тоже народный инструмент! Ну как, согласен? Вижу, что согласен! Тогда вот тебе, брат, ручка, бумага — пиши. Я такой-сякой немазанный, домашний адрес. Ну, а дальше я продиктую...

— Как?! Вот так сразу и писать?! Но мне надо поговорить с матерью... самому все обдумать... может, я не смогу... дайте хоть несколько дней.

— Ни-ни-ни... Говорить ни с кем не надо. Ни под каким предлогом. Это дело сугубо конфиденциальное. На думы, так и быть, даю день. Хотя что тут думать! От дум, Тимур, голова пухнет, а у чекиста она должна быть светлой. Короче, завтра в девять жду тебя у себя. В десять тридцать — в случае неявки — выписываю постановление на твой арест. Вот ордер. Осталось только вписать твои инициалы. И здравствуй, Колыма... Давай свою повестку — отмечу, а не то тебя уже сегодня отсюда не выпустят. — И следователь Иванов хлопнул печатью, точно копытом ударил, по Тимуровой повестке.

— Что делать? Как быть? — С этими вопросами Тимур присел на скамейку в городском парке.

Сентябрьское солнце скрылось уже за верхушками деревьев. От небольшого пруда тянуло сыростью и плесенью. Где-то в глубине парка зловеще кричала неведомая птица. «Это конец! Это конец», — пробормотал, проходя мимо скамейки, неказистый гражданин и скрылся в парковых сумерках.

— Так что же все-таки делать? Написать нельзя — «прогрессивная общественность» осудит, и не писать нельзя — Иванов засудит. Укатает сивку за бугры годиков на восемь. Кранты музкарьере. Да что там карьере. Жизни капут. Что я буду через восемь лет?! Сгорбленный, чахоточный старик. Вот что я буду! Ну а если соглашусь... Тогда кто я буду в глазах того же Шпильмана? Ведь я, считай, вырос в его семье. Его отец меня на инструменте учил играть. Ойстрах, говорил. Чистый Ойстрах растет! Это ведь он обо мне говорил. Да он же мне не толь-

ко учителем, он же мне вместо отца и был. Мой же папик черт его знает где... собакам сено косит. Потом, сестра мне Шпильмановская нравится. Все мне ее в жены прочат. А что — приличная партия. И кто я буду, узнай они, что я на них доносы писал. Сукой последней я буду. Стукачом! А дети, что скажут дети о таком папаше. Это ведь все равно как шило в мешке — не утаишь. Ой, не утаишь! Узнают — всему конец. Карьере кирдык! Ни один приличный человек со мной не то что не сыграет... он с таким «шестерилкой» на одном поле... не сядет.

— Вариантов не густо. Прямо гамлетовский «быть или не быть». И где же тут быть и где не быть? Черт его знает, попробуй, разбери. Но ведь всегда же есть третий путь. Должна же ведь быть щель между подлостью и совестью. Что же делать? Думай, думай, думай... — Тимур сильно, словно хотел разжечь творческий огонь в охладевшем от страха мозгу, тер пальцем висок. Взгляд его прилип к указательному пальцу. Что-то смутное, неясное рождалось в его мозгу...

— Вот оно, решение! — Тимур широко раздвинул пальцы правой руки. — Вот он, третий путь. Вот она, щель. Топором по пальцам, и чем прикажете писать, гражданин начальник? Нечем! Так-то, товарищ «зверь»!

— А с музыкой что? А ничего! Рубить надо так, чтобы пальцы могли держать смычок. Скрипачом, безусловно, не стану, но на кусок хлеба заработаю...

— А боль... Какая это будет боль. Боже мой! Может, поговорить со Шпильманами? А вдруг этот разговор до Иванова дойдет? Шпильманам неприятности, а меня Иванов точняк в острог закатает. — Тимур поднялся со скамейки и направился в ближайший гастроном...

— Мама, а где это у нас кухонный топорик? — поинтересовался Тимур у матери.

— Зачем он тебе?! — удивилась мать.

— Да я ребра в универсаме купил. Хочу с картошечкой потушить.

— В шкафчике на верхней полке лежит. Только давай-ка я сама сделаю.

— Нет, мама, — отстранил ее Тимур. — Мясо дело мужское.

Топор вошел в «мясо» легко, но оказался, видимо, тупым и мало пригодным для подобных процедур, а может быть, тренированные, сильные пальцы оказались ему не по острию. Они еще долго висели на посиневшей коже.

— Случись это сегодня, то мы бы тебе их в два счета пришили. И бегали бы они — лучше прежнего, — утверждал спустя несколько лет знакомый микрохирург.

Но в тот день дежурный доктор травматологического отделения первой городской больницы отщипнул безымянный и указательный пальцы, и они с противным грохотом упали на дно металлической коробки...

Одним из первых в палату к Тимуру Благодравову явился следователь Иванов.

— Ну что, Тимурка?! — сказал он, противно ухмыльнувшись. — Ты думаешь, ты герой? Нет, брат, ты не герой! Ты беспальный мудака — вот ты кто! Я тебе сейчас кое-что скажу, а ты заруби эти слова у себя на носу. Если тебе, беспальный, захочется бравировать своим героизмом — мол, вот я какой такой-сякой весь из себя, пальцы отрубил, чтобы гэбэшным стукачом не стать, то я тебя сразу предупреждаю... Я тебя самолично упеку за компрометирующие государственную службу речи, плюс членовредительство. Запомни — хоть одно слово. Хоть один намек... — Иванов закрыл за собой дверь. От нее к кровати потянуло сибирским холодом...

— Тимур Александрович, вы как-то просили подобрать вам надежного начальника охраны театра, не так ли? — спросил у директора театра оперы и балета Тимура Александровича Благодравова высокий чин из МВД.

— Да, да, да... конечно, конечно... — обрадовался директор.

— Ну и прекрасно... у меня как раз появилась достойная кандидатура. Специалист высшей категории. Театр будет на замке! Я представлю его вам после обеда. Часика в два... годится?

В три часа пополудни в директорский кабинет вошли двое.

— Разрешите представить вам претендента на роль нового начальника охраны. — Высокий чин из МВД дружески хлопнул пришедшего с ним человека по плечу.

— Как?! Вот этого гражданина вы собираетесь назначить на должность... — Директор Благодравов ткнул в человека обрубками правой кисти.

— Да, именно его... а вы что ж, знакомы?! — поинтересовался чин.

— Кажется, да... ваша фамилия, кажется, Зверев? — обратился к претенденту Благодравов.

— Иванов. Бывший полковник комитета госбезопасности, — представился претендент.

— А, ну да, да, да... Иванов, Иванов. Послушайте, господин Иванов...

— Можно товарищ. — Бывший полковник дружески улыбнулся.

— Хорошо, товарищ Иванов, я бы попросил вас выйти на несколько минут в приемную.

У меня к (Т. Благодравов назвал фамилию высокого чина из МВД) есть несколько слов сугубо тет-а-тет.

Иванов удивленно взглянул на чиновника, а тот в свою очередь на директора. В директорских глазах прочитывалась активная решимость вытолкнуть «претендента» в случае неповиновения за дверь.

— Хорошо, — согласился чин. — Товарищ Иванов, пройдите пока в приемную.

— Я вас слушаю, — поинтересовался чин, раскуривая сигарету.

— Дело в том, что я хотел бы видеть на этом месте другого человека. — Тимур Александрович была сама решимость.

— Не понимаю, — чин выпустил в потолок причудливое дымное кольцо, — чем вас не устраивает Иванов? Это один из лучших специалистов в области организации охраны и предотвращения терактов. Да это и обсуждать невозможно, ибо он утвержден не мной, а городским советом.

— Но вы же говорите, что он только претендент, — возразил ему директор Благодравов. — Значит, имеются и другие кандидатуры. Я бы хотел взглянуть и на них.

— Ну, претендент — это я так, для полноты назвал. На самом же деле он никакой не претендент, а самый что ни на есть начальник охраны. Уже и все соответствующие бумаги подписаны. А в чем, собственно, дело, уважаемый Тимур Александрович, чем он вас не устраивает? Стаж? Звание? Возраст?

— Нет — тут сугубо личный аспект. — Директор достал сигарету. — Я не хочу с ним работать по нравственным, так сказать, мотивам.

— Извините, любезный Тимур Александрович, мне не интересны ваши личные дела и нравственные пристрастия. Я знаю только одно, и оно заключается в следующем. Общественное вы должны ставить выше личного. Вы посмотрите вокруг. Терроризм поднима-

ет голову! В такие дни каждый специалист по борьбе с ним на вес золота, а вы — личное. Простите, но вас, уважаемый Тимур Александрович, там не поймут! — Чин указал в направлении правительственного здания. — Там ведь вопрос встанет — вы или он. И боюсь, что он решится не в вашу пользу.

— Почему это вы думаете, что не в мою... я опытный работник культуры... многое сделал для театра, города и, кажется, имею право...

— Право имеете, но не в такой обстановке, ибо она диктует суровые меры. И только такие, как Иванов, смогут вернуть нашу жизнь в нормальное русло.

— Ну, знаете, если такие, как он, то я не понимаю, для чего было весь этот демократический огород городить, — возразил Т.Благонравов. — Все эти стройки-перестройки.

— Простите, Тимур Александрович, — это тема для ток-шоу, а не для государственного учреждения. Решение принято и обсуждению не подлежит. Ничего. Сработается, стерпится... Товарищ Иванов, прошу вас. — И чин открыл начальнику охраны театра Иванову дверь.

Посидев в кабинете еще минут десять, чин вышел и оставил Благонравова с бывшим следователем КГБ Ивановым наедине.

— А ты почти не изменился, Тимур. Все такой же боевитый, принципиальный. Нет, не зря говорил я когда-то, что ты наш парень. Ох, не зря!

— Вы, кажется, забываетесь, милейший. Сегодня вы находитесь у меня в кабинете, а не я в вашем. Поэтому, во-первых, попрошу вас впредь называть меня на «вы» и только по имени-отчеству. Во-вторых, реже попадаться мне на глаза.

— Ну что вы, Тимур Александрович. Зачем же так! Сколько лет прошло! Сколько зим! Кто, как говорится, старое помянет, тому глаз вон. Я ведь против вас ничего не имел... работа у меня, видите ли, такая была. Как в той песне — «Работа у нас такая. Жила бы страна родная, и нету других забот», — пропел Иванов. Так что вы не сердчайте, Тимур Александрович... и камень из-за пазухи выкиньте. Нам ведь теперь вместе работать... одно, так сказать, дело творить. Эх, как жизнь поворачивается... я ведь вам когда-то предлагал работать вместе... вы не согласились... и видите, как все нехорошо получилось. Иванов указал на правую директорскую руку. Так что давайте хоть сейчас не дергать судьбу за усы...

— Послушай, ты! Мразь! Я тебя сейчас самого лишу пальцев, усов и головы... Понял, нет?! А теперь встал и пошел вон из кабинета.

— Тихо, тихо, Тимур Александрович. Вы же работник культуры. Держите себя в должных границах. В чем же я виноват? Неужто в том, что у вас беда с... — Иванов указал на изуродованную руку Благонравова, — приключилась. Да не поступи вы тогда так опрометчиво, имели бы совсем другую судьбу. Знаменитым на весь мир были бы, как ваш приятель Шпильман. Помните такого? Ну, как же не знать! Пианист. Живет за границей. Лауреат. Профессор. Туры. Европа. Америка. А как же иначе. Ведь он, в отличие от вас, Тимур Александрович, пальчиков-то не рубил. Ой не рубил, а исправно на вас и на прочих ваших «товарищей» доносы писал. Да если бы только он один! Вся ваша так называемая творческая интеллигенция друг на дружку строчила ого-го-го! В прикуп не заглядывай! Кубометры леса извела ваша творческая интеллигенция... А вы говорите — за дверь.

— Врешь, негодяй! Врешь! — стукнул по столу кулаком Т. Благонравов. — Не верю ни одному твоему кегебешному слову. Не верю.

— Дело ваше, любезный Тимур Александрович. Только я ведь с вами не в детскую игру «верю — не верю» собрался играть. У меня, родной вы мой, и документики имеются. Знал ведь, с кем на встречу иду. Знал, о чем разговор наш с вами пойдет. Вот, смотрите. — Иванов достал из папки стопку бумаг. — Читайте, вспоминайте, размышляйте. Это самые что ни на есть подлинники. Не все, правда, но и этого, я полагаю, будет достаточно.

Дрожащими культиями переворачивал страницы Благонравов.

«Источник сообщает... Антисоветские мысли, высказывают Тимур Благонравов... Шпилька».

«Источник сообщает... на квартире у студента Благонравова... Шпилька».

— Кто это — «Шпилька»? — поинтересовался, закончив читать, Благонравов.

— Как кто? Шпильман, конечно. Это у него такой оперативный псевдоним был — «Шпилька». Обычно мы их давали, а этот сам себе придумал, что говорится, вставлял «шпильки в колеса», — Иванов развязно хохотнул.

— Заткнись, идиот! — одернул его директор. — И пошел вон отсюда.

Как только за Ивановым закрылась дверь, Тимур Александрович в ту же минуту бросился к книжному шкафу. Там за административ-

ными книгами, театральными брошюрами, рабочими инструкциями и прочей дребеденью стояла у него бутылочка ямайского рома — подарок некой культурно-обменной международной организации. Тимур Александрович почти не пил, даже можно сказать, совсем не пил, за что (в дни борьбы с пьянством и алкоголизмом) и получил директорское место, но сегодня не выпить было нельзя. Уж слишком тяжела была новость.

— Лучше бы я диагноз о своей неизлечимой болезни получил, чем такие известия, — подумал Тимур Александрович, закусывая ром шоколадной конфетой. — Боже мой! Боже мой! Неужели правда? Неужели он мог так поступить? Вот так взять и написать? «Источник — Шпилька». Не верю! Не верю!

— А с другой стороны, почему бы и нет. Ведь не только он писал. Вон «зверь» говорит, что писали массово. И поди не поверь, когда у него на руках доказательства есть. Вообще-то, не случись со мной такое, — Тимур Александрович посмотрел на свои обрубки, — я посмеялся, плюнул, да и забыл бы всю эту хренотень. Ну что сделаешь, слаб человек — непрочен. Но тут ведь совсем другое дело! Боже мой, тут совсем другой расклад. Ведь это я, чтобы на него не писать, сделал! Сохранив ему жизнь, карьеру, я свою поломал. Ведь кто бы я был сейчас. Разве бы здесь сидел. Рядом с этой падалью Ивановым. Я бы сегодня остров имел. Торчал бы там, как Робинзон, со скрипкой, без всех этих мудаков, что крутятся вокруг. Служил бы музыке. Что может быть лучше служения истинному, вечному?! А тут... Тимур Александрович — то! Тимур Александрович — это! Тимур Александрович — туда! Тимур Александрович — оттуда...

— Вот же сука! Вот Иуда! Встреть, кажется, я его сейчас, зарубил бы собственными руками. Или лучше всего — пальцы бы ему отсек. Поиграй-ка, господин Шпилька, обрубками, а мы послушаем. Не получается? А-а-а... И у меня не получилось.

Тимур Александрович надел шляпу, пальто и вышел на улицу.

— Куда идти? — размышлял он, стоя на четырех углах шумного проспекта. — Домой? Неохота. К друзьям? К стукачам! В храм? А там не лучшие служат. У каждого дьякона под рясой ментовской погон. В пивбар? К народу! Но там грязь и запустение. Лучше уж в одиночку. Одиноким пришел ты в этот мир, Тимур Александрович, одиноким и уйдешь из него! — Благодрагов зашел в магазин и купил бутылку водки...

— Что с тобой, Тимур?! — всплеснула руками жена. — Что с тобой? Пьяный! Боже мой, какой ты пьяный. А воняешь! Чем ты воняешь? — жена принялась. — Пальто?! Боже мой — это же бельгийское пальто. Посмотри, на что оно похоже. Галстук?! Галстук на спине! А шляпа, где твоя шляпа? Боже, видел бы ты, на что ты похож. Возмущенно-испуганно восклицала супруга.

— Не...прав...да...а! Я пр...экра...а...а...сно вижу... на кого... я похо...ож! — возразил заплетающимся языком Тимур Александрович. — Я... похож... на мудака с обрубками! — Тимур Александрович потряс культиками. — На мудилу с Нижнего Тагила — вот на кого я похож! Хотел быть героем, а вышел инвалид. На инструменте вам, Тимур Александрович, ясно как Божий день, не играть. Ступайте-ка вы в культурные функционеры. А ведь кем бы я мог стать. О! О! О! Если бы не это, — Тимур Александрович потрянул правой рукой. — Суки кругом! Иуды!

— И я! — обиженно воскликнула жена.

— Нет... Ты-ы-ы дру-г-ое дело... Ты... т... да прилепится-ся жена-а-а к мужу своему. Ты свя-а-то-е... — Тимур Александрович забормотал и минуту спустя уже храпел.

В другой бы день можно было бы сказать — сном праведника, но каков был сон у Благодрагова в ту ночь, то никому неизвестно...

Утром не успел еще Тимур Александрович снять вычищенные женой пальто и шляпу, как в кабинете зазвонил телефон.

— Из министерства. Характерный звук. А у меня голова совсем не варит.

— Тимур Александрович, ну как поживаешь, родной? — поинтересовался замминистра и, не дав ответить, продолжил: — Тут видишь, какое дело. Решил, знаешь ли, на Родину, в город детства с благотворительным концертом маэстро Шпильман зарулить. Шпильман, брат ты мой, это не ворона на проводах, а культурное событие! Ну, не тебе объяснять.

— Так вы не объясняйте, а говорите конкретно, — раздраженно буркнул Благодрагов.

— А конкретно... Короче, концерт, мы думаем, лучше всего провести в твоём заведении. Во-первых, охрана у тебя в театре надежная. Во-вторых, вы, кажется, учились вместе.

— Да, — подтвердил Т. А. Благонравов. — Учились — не доучились...

— Ну вот и отлично. Такая получится встреча старых друзей. Почти как у тети Вали в передаче «От всей души». Короче, готовься. Концерт намечен... — чиновник назвал дату.

— Кино! Плохая пьеса! Нет, нет, нет — так не бывает. Это мне все снится. Это похмельный синдром. — Благонравов потер виски. — Нет, это не синдром. — На столе лежала записка с его почерком. — Такого-то числа. Такого-то месяца. Неужели реальность? Сцепились шестеренки справедливости?! Сцепились. Ну что ж... Бывает, брат Шпилька, на свете такое, чего и не снилось нашим мудрецам! — Благонравов зябко потер ладони. — Как говорится, на ловца и зверь бежит, или как там еще — на воре шапка горит! Welcome to родной город, мистер Шпилька. Уж не обессудьте за будущую встречу. Как говорится — глаз за глаз... Не я решил. Судьба вас ко мне привела...

Концерт удался на славу. С него шумной толпой отправились в охотничий домик. Баня. Водка. Малая Родина.

— Господа, друзья, товарищи, сегодня я играл как никогда. Ей-богу, как никогда. Да что говорить, я уж, поверьте мне, не сыграю так больше, — вскинув бокал, признался Шпильман. — Вот что значит — играть в родных стенах. Вот что значит — играть для настоящих друзей. Виват, господа, виват!

— Тимур, друг, на брудершафт, и дай я тебя облобызаю! — Шпильман нежно обнял старого приятеля. — Родной ты мой. Я так часто тебя вспоминал. Так часто. Эх, Тимур, Тимур, минули годы. Минули. Кажется, все есть! Всего достиг, а вот на тебе — чего-то не хватает. Ни родных, ни друзей. Живу на шумной Пятой авеню, а поговорить не с кем. Веришь-нет? А помнишь, как мы болтали. Сколько планов строили. Ах, Боже ты мой, Боже! Ну, ты-то как? — поинтересовался Шпильман у Тимура Александровича.

— Да, слава Богу! Слава Богу — ничего. Скрипача не вышло. Ну, да с такими пальцами какой скрипач. — Благонравов тряхнул травмированной кистью.

— Да, да, да... — сочувственно закачал головой Шпильман.

— Не вышло — так и не вышло. Немножко преподавал. Немножко выступал. Знаешь, этакий музыкальный Павка Корчагин. Приходили смотреть, как на дрессированную макаку. Мысли стали не-

хорошие посещать. Черт его знает, чем бы это все закончилось, но тут на счастье ли, на горе ли реформы подоспели. Старого директора за пьянку из театра выбросили, взялись нового искать, а из всех кандидатур один я непьющий. Утвердили. Работаю. Зарплату получаю регулярно. Можно сказать, счастлив, но живу, поверь, одними воспоминаниями. Ведь как все должно было быть, но не сложилось, не вышло. Кто виноват? Никто не виноват. Так фишки упали.

— Да, да, да... — закачал головой Шпильман. — Не буду тебе ничего говорить. Не буду утешать. Ибо не знаю я слов утешения. И все, что ни скажу — патетика и пафос, а я их терпеть не могу. Встречаю в газетах о себе: великий пианист современности! Повелитель клавиш! Господи, какой я повелитель. Какой я великий Великий?! Посмотри на меня — метр с шапкой. Я просто хорошо выполняю свою работу. Вот и все. Что ж тут великого, скажите мне, друзья? — обратился Шпильман к гостям вечера.

— Ну, ну, ну... — загалдели присутствующие. — Таких, как вы, пианистов в мире единицы, а может даже и один. Первый среди многих — разве не величие?

— Ну уж, первый! Я вам с десятков имен могу назвать, — возразил Шпильман.

— Не скромничайте, маэстро. Не скромничайте, — встряла в разговор ведущая солистка театра. — Я где-то читала, что ваши пальцы застрахованы на миллионы долларов. А вы говорите, как все. Всем, милый мой, пальцы на «лимоны» не страхуют...

Вечер подошел к концу. Многие разъехались, некоторые, в том числе Благонравов и Шпильман, остались ночевать в домике.

— Тимур Александрович, я вам постелила на втором этаже. Пойдемте, я вас провожу. — Горничная поднялась на ступеньки.

— Нет, нет и нет! — возразил Шпильман. — Мы будем спать в одной комнате. Горничная криво ухмыльнулась.

— Попрошу без намеков, — шутливо погрозил ей пальцем Шпильман. — Мы будем спать по-дружески, по-мужски. Правда, Тимур? Пойдем. Я вот и бутылочку прихватил. Посидим еще, по-судачим.

Но ни посидеть, ни посудачить не удалось. После первой же рюмки Шпильман закивал носом и вскоре вдохновенно захрапел.

— Что значит музыкант, — усмехнулся Благонравов. — У него даже храп похож на сонату...

Вскоре соната сошла на менуэт и вовсе стихла. В домике стало тихо. Только за окном скрипели деревья, да изредка вскрикивала ночная птица.

Благонравов погасил сигарету и вышел в прихожую. Из своего рюкзака он вытащил старый кухонный топорик.

— Привет, дружище! — Тимур Александрович подбросил топор. Потолочная лампочка спрыгнула с его тусклого лезвия. — Тряхнем стариной? Не забыл еще, как это делается? Щелк — и нет пальчиков. Говорят, что они у него в миллионы оценены. Ну, тем и лучше. Ты станешь великим топором! Не всякому, брат, выпадает такая честь. Тебя, еще станется, в музей упекут. А хозяина твоего новым Сальери объявят! Как говорится — не мытьем, так катаньем в историю попадем.

Тимур Александрович вернулся в комнату. Зажег настольную лампу и положил безвольную, спящую правую руку «клавишного укротителя» Шпильмана на прикроватную тумбочку.

— Ну вот, друг Шпилька, пришла расплата, — глядя на длинные, точно выточенные прекрасным мастером пальцы, качал головой Благонравов. — Думал ли ты, когда писал доносы, что у тебя может отсохнуть рука, или что ее могут отрубить? Нет, уверен, что не думал. Ты думал — пусть отсохнет чья-нибудь, но не моя. Мои, мол, руки принадлежат вечности, и ради этого можно пожертвовать сотнями чужих рук! Ты скажешь, что это пафос, патетика, что ты этого не любишь! И я не люблю, друг ты мой ситный. Не люблю. Поэтому ближе, что называется, к конечностям.

Благонравов провел пальцем по лезвию топора. Затем по Шпильмановой тыльной стороне ладони. Морщинистая кожа с едва проступающими желтоватыми пятнами — знаками надвигающейся старости.

— У меня точно такие же. — Благонравов вздохнул. — Жена все говорит, чтобы я их мазал какой-то импортной мазью. А! Мажь, не мажь — все одно на сухой лес выглядишь...

— Пятна пятнами, а пальцы у него что надо. Прекрасные пальцы... А что он сегодня ими вытворял... ну нет слов, что вытворял. Смотришь на них и думаешь. Ну не может быть, чтобы вот эти прекрасные пальцы могли доносы писать. Стаккато извлекать — пожалуйста, но доносы... Ну не верю! Хоть убей, не верю.

— Да брось ты, — толкнул в руку Благонравова чей-то голос. — Он писал. Он, и бумажки ты эти видел. Его почерк? Его. Так что тут думать! Секи и делу конец!

— Не могу. Не могу. Не верю. Не могли такие пальцы доносы писать. Не могли. Это все «зверь» подстроил. Себя выгораживал. Не верю! — возразил Благонравов и положил топор к себе на колени.

— А я говорю, руби! Руби, дурак. Секи, олух! Зуб за зуб! Палец за палец! Руби!

— Нет! — крикнул в ответ Т.А. Благонравов.

Шпильман зашевелился.

— А я говорю, руби суку! — гаркнул голос.

— Нет! — затопал ногами Благонравов и со всей отмаши рубанул топором себя по пальцам. — Нет!

Топор с грохотом упал на паркет. Благонравову показалось, что и от его крика и от топорного грохота закачался, грозя обрушиться, крепкий охотничий домик. Но дом выстоял. Вскоре в нем захлопали двери, затопали ноги, запричитали женские голоса...

Карета скорой помощи увезла Тимура Александровича Благонравова в травматологическое отделение первой городской больницы.

Дежурный хирург щелкнул ножницами, и благонравовские пальцы с противным грохотом упали в металлическую коробку...

«Колеса судьбы»

...белесо-молочными атомами зарождается он за окном. Это еще не свет, а тот грунт, на котором великий художник разольет свои краски. Сегодня серые, завтра оранжевые, а послезавтра и вовсе «электрик». У кровати тусклым пятном чернеет пара синтетических тапочек китайского производства. Я просовываю в них свои худощавые ноги и иду на кухню. Под ногами как живой стонет разошедшийся паркет.

Кря, кря. Жик, жик, — жалуется он вещам, встречающимся у меня на пути. Путь же мой пролегает по длинному и прямому, как пожарная кишка, коридору. Опасен этот коридор незнакомцу. Здесь, спрятанная в небольшом углублении, стоит старая музыкальная колонка. Сколько прелестных ножек поранилось об ее коварно торчащий угол! Да и я, всякий раз ударяясь об ее угол, кричу «Шит!». И клятвенно заверяю, что вынесу ее в подвал. Вот и сегодня, больно ударившись лодыжкой, громко ругаюсь и, бережно погладив ушибленное место, следую дальше.

Кря, кры, вжи, вжи, — вновь оживает в своей жалобной «песне» паркет.

Мне, в отличие от него, жаловаться некому, хотя жизнь моя не слаще его. Да и кто жалуется по утрам — это лучше делать в обеденный перекур или, скажем, вечером за кружкой пива. Утром варят кофе и спешат на службу. Я тоже варю кофе, хотя никуда и не спешу. Нет, я не пенсионер, наоборот, мужчина в расцвете сил: у меня здоровое сердце и нормальный сахар. Вот только если чуть повышенная кислотность, но это от кофе. «С этим надо бороться. Кофе — камни!» — предупреждает меня знакомый доктор. Но я не хочу ни с чем бороться, тем более с кофе. Мне нравится хруст ломающихся под жерновами кофемолки овальных, крепких, черных, как антрацит, кофейных зерен. Нравится тонкий, дразнящий запах вырвавшейся на волю кофейной души. Я с трепетным волнением жду трех пузырьков, свидетельствующих о кофейной готовности. В своем нетерпении я похож на добродетельного еврея, ожидающего трех первых звездочек, свидетельствующих ему о приходе субботы.

Почему я столь много уделяю внимание кофе — да потому, что один глоток этого горячего, терпкого, горьковатого напитка, плюс глубокая сигаретная затяжка, и вас уже тянет поговорить. Кофе — не водочная болтливость. Кофе — задушевный разговор. С чего же его начать? Может быть, с начала?

Изначально мы были разные. Я высокий, он маленький. Я блондин, он шатен. Он собирал марки, я, кажется, значки. Он был мягким, я ершистым. У него было непривлекательное имя Павел и безобразная фамилия Оладьев.

Я же имел оригинальное имя Ромуальд и звучную фамилию Воскресенский. У меня были способные постоять за меня братья, а Павел был единственный сын у родителей. Я учился в старой с колоннами и английским уклоном школе. Он — в новой: приземистой, безликой и вечно отстающей. Он любил изучать жизнь по книгам, я же предпочитал «учить ее не по учебникам». Павел обитал в желтом облупившемся доме, я — из крепких, белых силикатных кирпичей добротном коттедже. Между домами возвышался импровизированный, из досок и кроватных сеток, забор. Но тем не менее мы дружили. Нас пытались изолировать друг от друга, но как было это сделать, если нас тянуло друг к другу, как разнозарядные частицы!

— Он тебе не друг, — говорили мне родители. — У него дурная наследственность!

— Что ты прилип к нему, как банный лист к анусу. Он же душный, как парилка! — поддерживали их братья.

Что я мог на это ответить! Что только с ним я ощущал гармонию?! Что он часть не достающей во мне душевной детали?! Да я и слов таких в те времена не знал...

Перемахнув через забор, я убежал к нему домой. Там можно было делать то, что было строжайше запрещено дома: ходить в ботинках, лазить по холодильнику и курить. Там я был в недосягаемости от воспитательного процесса. Никто не воспитывал и не жужжал на ухо: не трогай это, поставь на место то. Мать Павла вечно работала во вторую смену, отец приходил поздно и часто в таком состоянии, что не мог не только требовать, но и попросту связно говорить.

— Родя, быстро домой, — требовательно кричала через забор моя мать.

— Пока, — быстро прощался я. И, давя каблуками скрипучую лестницу, возвращался домой. Темнело, и вскоре наши дворы погружались в изредка нарушаемую протяжным гудком далекого поезда вязкую тишину ночи...

Общее проявилось в нас неожиданно и стойко: лет в 16–17, когда мы увлеклись роком. Мы обожали одних и тех же рок-музыкантов: гитаристов Пейджа и Хендрикса. Павел стал учиться на соло-гитаре, я также предпочел ее другим инструментам. Вопрос собственной группы парил в воздухе. И здесь впервые в жизни у нас возник спор принципиального характера.

Он мягко:

— Стань на бас.

Я возмущенно:

— Почему я? Кто из нас Пол?

Он удивленно:

— При чем тут Пол?

Я язвительно:

— При том, что Пол Маккартни чешет на басу!

Создай мы собственную группу — я думаю, из нее, ей-богу, мог бы выйти толк.

Впрочем, может, и нет, но жизнь наша сложилась бы по-другому — точно. Однако мы продолжали упираться и спорить.

Павел спокойно:

— Ты играешь слишком прямолинейно. Как если бы художник рисовал одной краской. Нет оттенков! Послушай Хендрикса. Гитара Джимми разговаривает, плачет, ласкается, а твоя кричит...

Я раздраженно:

— Рок-гитара — не скрипка Страдивари!

Павел негромко:

— Звук рождается из тишины...

Я разъяренно:

— Ты не музыкант, а апостол Павел, рассуждающий, как композитор Бабаджанян...

Не создав своей команды, мы играли в чужих. Я поменял их массу, но найти себе подходящую из-за своего скверного характера и «неудобного» репертуара долго не мог.

— Играешь ты хорошо, — говорили мне участники. — Но не то, что надо.

— А что надо? — язвительно спрашивал я.

— То, что любит народ и приносит бабки!

Мне бы прислушаться, подчиниться, да и играть то, что хотел народ и что приносило рубли. Но нет же, я вставал на дыбы и возмущенно кричал:

— Васьки! Я думал у вас рок-группа, а у вас, оказывается, оркестр А. Мещерякова! Для вас принцип — деньги, а для меня — чистота жанра! «Червону руту» играйте без меня!

Вскоре в городе не осталось ни одной команды, которая бы после упоминания моего имени не говорила: «С его характером надо работать в террариуме!» Я стал подумывать о смене увлечения, как неожиданно лучшая в городе рок-группа «Колеса судьбы» объявила конкурс на вакантное место лид-гитариста.

Попасть в «Колеса» — означало раскрыть ворота в невообразимый мир superstars! Ради этого можно было и поступиться принципами!

Прослушивание осуществлялось в маленькой, плотно заставленной барабанами, колонками, микрофонными стойками ком-

нате. По полу бесчисленными «гадами» ползли иссиня-черные провода. Весь день витиеватые гитарные импровизации беспрепятственно носились по коридорам и лестницам ДК общества глухих (там репетировали «Колеса»). Шум стоял невообразимый, думаю, от этого грохота местное общество пополнилось новыми членами! К шести часам вечера из претендентов осталось двое: я и мой друг Павел Оладьев. Бесспорно, я играл лучше, ярче, напористей и техничней, а взяли его. Он играл хуже, но имел решившую в его пользу 100-ватную, с вмонтированным усилителем, гитарную колонку! Он вообще в отличие от меня здорово разобрался во всех этих катодах, анодах, транзисторах и динамиках. Сказывалась наследственность потомственного электрика! От Павла вечно пахло канифолью, тогда как от меня — одеколоном «Саша». Его часто видели в компании сомнительных личностей с местного радиозавода, меня же всякую минуту можно было найти среди хороших шатенок.

— Я играл лучше, и ты как друг должен был это признать и честно уступить мне это место, — сказал я ему по пути к дому.

— У картишек нет братишек, — вульгарно ответил он.

— Отлично! — усмехнулся я. — Только запомни, что следующий кон сдавать мне!

И я растасовал колоду нашей судьбы и раздал общий прикуп. Не доходя до дома, я втиснулся в заржавевшие двери телефонной будки, крепко сжал пластмассовой бельевой прищепкой ноздри. Набрал простой двузначный телефон дежурного по ГУВД и голосом А. Макаревича сделал заявление.

«В субботу в одиннадцать утра по адресу подворотня дома Щорса 12 состоится продажа дефицитных деталей, похищенных с городского радиозавода...»

«Вор должен сидеть в тюрьме!» — успокоил я себя, засыпая. Да я вообще-то и не волновался: между нами говоря, мало верилось в ментовскую оперативность.

Но, как в дурном водевиле, его взяли чисто и с поличным. Цена похищенного составила порядочную сумму. При «хорошем» прокуроре тюремный срок мог бы легко вытянуть на двузначную цифру! В последний момент судебный приговор заменили военкоматовской

повесткой. Все это произошло так стремительно, что Павел даже не успел вынести из ДК «глухих» свою колонку...

Прошло пару месяцев, я уже играл на его месте и на его колонке в «Колесах судьбы», как город потрясло известие. Погиб Павел Оладьев. Тело привезут через неделю. Я был в шоке, а тут еще на следующий день после этого известия пришло письмо. Видимо, оно слишком долго шло, а может — это было письмо из другого мира? «Ты знаешь, — писал он мне. Я тут подумал и решил, вернусь, стану на бас. Мы с тобой такую команду сделаем!» Честное слово, я даже пытался вскрыть себе вены.

На похоронах собрались все рок-музыканты города. Я же, сославшись на срочную поездку, на них не присутствовал и никогда позже не был на его могиле...

Вскоре после смерти Павла распались «Колеса судьбы», и его колонка перешла в мои руки. Я таскал ее за собой то в группу «Мираж», то «Призраки», то в «Романтики», то «Оптимисты». С квартиры на квартиру, из города в город. Наконец устал и женился. Я искал взаимопонимания, а встретился с вопросом:

- Что это?
- Колонка, — объяснил я супруге.
- Кухонная?!

— За папу. За маму. Чтоб вырос большой и вынес эту гору из дома, — толкая очередную ложку манной каши, приговаривала жена. Не будешь слушаться маму, поставлю тебя за колонку!

Весомый аргумент: дети выросли упитанными и послушными. Но я давно уже не живу с семьей. Я вообще ни с кем не живу, правда, мои немногочисленные знакомые говорят, что я «сожительствую» с колонкой. В известном смысле они правы, ибо для меня она давно стала «именем одушевленным». За долгие годы скитаний по квартирам и углам она выгорела, обшарпалась, металлические уголки заржавели, дерматин облупился и стал похож на псориазную кожу. Несколько ножек отвалилось, что придает ей вид инвалида. Жизненная ирония — она постарела вместо своего хозяина!

Прошло 20 лет с его смерти. За эти годы я растерял почти все его фотографии, а те, что сохранились, выгорели и приобрели незнакомые черты. Я стал почти забывать, каким он был, мой друг, и вот в

последнее время он стал являться в мои сны. Придет и молча стоит у своей колонки: молодой, совсем не изменившийся друг моей далекой, беспутной юности — Павел Оладьев! Мне так хочется с ним поговорить, объясниться, но он всячески избегает этого разговора. Я догадываюсь, почему, и просыпаюсь. За окном рождается новый день моей жизни...

Частный Армагеддон

— Сколько лет, сколько зим! — воскликнул Станислав Алексеевич Мудрик (даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять: перед вами ученый человек, возможно, даже и академик), встретив на шумном городском проспекте своего давнего приятеля Федора Ильича Ненашева.

— О, Стас, здорово!

Федор Ильич протянул однокурснику сухую костистую ладонь.

— Ах ты, чертяка, — Станислав Александрович сгреб приятеля в охапку и трижды поцеловал его в щеки. — Как живешь-можешь, старина?

— Жизнь моя копейка, — утирая приятельские поцелуи, ответил Федор Ильич. — Сорок пять на прошлой неделе стукнуло! Оглянулся, а у меня ничего и нет: ни жены, ни детей... Диссертации не защитил. Карьеры не сделал. Состояния не нажил. Когда помру, то впору написать на могильном камне: «Родился мертвым».

— Да не драматизируй ты так, — хлопнул по плечу друга Станислав Александрович. — Выглядишь прекрасно! Энергичен! Бодр! Сексапилен! Прикинут, как манекен в ГУМе: джинсы Lewis, кроссовки Adidas, каскетка Polo. Больше тридцати пяти не дашь, ну мак...

— И что мне со всем этим делать? — не дал договорить приятелю комплимент Федор Ильич.

— Как, что делать? Дышать! Радоваться! Одним словом, жить, Федор!

— Так разве это жизнь? — Федор Ильич обвел рукой: шумящий, кипящий, спешащий, толкающийся многолюдный проспект. — Тьфу на такую жизнь! Мне другой раз знаешь чего хочется? Вернуться каким-нибудь чудесным способом в прошлое и помешать своему зачатию!

— Ну, это уже, брат, прости, клиника!

Другой бы на месте Ненашева обиделся. Возмутился! Затопал ногами! Рот варешкой открыл бы! Кулаки в ход пустил. Они у Федора Ильича приличные. Так то другой, а Ф.И. Ненашев даже и глазом не повел и бровью не дернул.

Станислав Александрович смикител, что хватил лишку, и пошел на мировую:

— Однако же это, брат, легко снимается русским коктейлем «водка с огурцом».

Идем, я угощаю.

Федор Ильич согласился. Друзья направились в ближайший ресторан...

— А ты зачем в родной город-то пожаловал, — накалывая на вилку маринованный огурчик, поинтересовался Ф.И. Ненашев. — Умер кто?

— Бог с тобой! — Станислав Александрович размашисто перекрестился. — Дело здесь у меня, но об этом, цыц, ни слова!

С.А. Мудрик плотно сжал губы и приложил к ним палец. Вышло точь-в-точь как на плакате времен культа личности «Не болтай — рядом граница».

— Почему «цыц»? — наполняя рюмки, поинтересовался Федор Ильич. — У нас же демократия и никаких тайн. Давай, выкладывай. Колись, что называется.

— Нет, правда, не могу, — поднимая стопарик, заупрямился С.А. Мудрик. — И даже не проси.

— Да я и сам знаю. Ты ведь у нас ядерщик? Ядерщик! Значит, какую-нибудь новую фигню затеваете в реакторе нашей АТС.

— Не в цель, — цепляя вилкой свежайшую астраханскую селедочку, ответил С.А. Мудрик. — Я бы даже сказал, в молоко!

— Интригуешь! — намазывая горбушку свежего бородинского хлеба черной икоркой, усмехнулся Федор Ильич. От алкоголя он несколько оживился. Серо-бурая жизнь окрасилась в розово-голубые тона. Федор Ильич даже стал бросать призывные (чего с ним уже давно не случалось) взгляды на хорошеньких дам. Вечер закончился...

Примерно через неделю Федор Ильич шел по тому же проспекту и на том же самом месте, где повстречался с приятелем... Неожиданно? Нет, лучше убрать это слово.

1. Оно лишает повествование остроты.

2. В жизни не бывает неожиданностей, в ней все до тонкостей спланировано. Прямо не жизнь, а социалистическое хозяйство.

Среди ясного жаркого летнего дня на бульвар вдруг налетел вихрь. Черное горло его всосало в себя (точно пылесос) не успевшего ничего сообразить Федора Ильича. Он оказался в черном туннеле, какой обычно рисуют пережившие клиническую смерть люди. Спусти мгновение, час, век, а может, и вечность — Федор Ильич кожей, всем своим существом почувствовал разом эти категории — в общем, спустя какое-то время, которому всегда приходит конец, Ф.И. Ненашев вновь стоял на бульваре. Он перевел дыхание. Вытер каскеткой холодный пот. Осмотрелся по сторонам и тотчас побледнел, окаменел и стал напоминать монумент.

Было, надо вам сказать, от чего окаменеть. Ф.И. Ненашев стоял на том же самом проспекте, но его окружала совсем другая жизнь. Вновь стояли, лет тридцать как снесенные, здания. По улицам ехали антикварные авто. Гремели, приказавшие долго жить, телеги. Звенели давным-давно списанные трамваи. Люди были одеты не в джинсы, батники и бейсболки, а в холщевые брюки, толстовки, френчи...

Федор Ильич зашел в темную арку двухэтажного строения и стал лихорадочно соображать. Наконец его осенило! Боже, пока я крутился в этом туннеле, на бульваре начались кино съемки! Машины, телеги — это все не более чем декорации!

Ф.И. Ненашев обрадовался своему открытию. Хотя, как в том анекдоте, внутренней голос нашептывал Федору Ильичу:

— Никакие это не декорации, а самая натуральная реальность. Реальность, отстающая от той, в которой ты живешь, лет на семьдесят!

И внутренний голос оказался прав. Никаких камер, софитов, режиссера и прочей киношной атрибутики Федор Ильич на улице не отыскал. Зато он увидел плакат, очевидно, не снятый еще с новогодних праздников: «В Новый 1937 год — с Новыми успехами». В общем, как ни крути, а выходило, что попал Федор Ильич в год «большой политической чистки».

Найти этому объяснения не представлялось возможным. Однако нужно было что-то делать. Что-то предпринимать! Не стоять же здесь семьдесят лет, дожидаясь своего времени. Ненашев принялся рассуждать.

— Куда идти? Что делать? Как доходчивей объяснить то, что с ним случилось?

И тут его осенила гениальная мысль.

— Ведь в этом городе живут мои дедушка с бабушкой. Правда, они сейчас молодые люди, но все равно нужно пойти к ним и все объяснить. Они, конечно, сочтут меня за сумасшедшего. Но ведь можно сделать генетическую экспертизу! Или в эти годы ее не делают? Нет! Ведь генетика у них, кажется, зовется «продажной девкой империализма». Но они все равно помогут. Ведь любимый дедушкин рассказ о его былой жизни был о том, как он помог скрыться одному ложно обвиненному в шпионаже человеку. Так может быть — это был я?! Вперед, к деду! — приказал себе Федор Ильич.

Однако, изучив свой внешний вид, Ненашев пришел к горькому выводу, что в такой одежде он не дойдет не только до родственников, но даже и до ближайшего угла. Заметут! Он снял майку, джинсы, кроссовки. Вывалил их в пыли. Безжалостно с мясом вырвал товарную марку Lewis. Оторвал козырек и вывернул наизнанку каскетку Polo. Она стала походить на уместную ныне тибетейку. Осколком кирпича уничтожил надпись Adidas.

Дворами, переулками, темными проходами направился он к дому своих родственников.

Вот и дом, где до войны, по словам дедушки, проживала его семья.

— Не дай Бог, я что-то спутал, — подумал, входя в темный воняющий прогорклым салом подъезд, Ф.И. Ненашев. Федор Ильич поднялся на третий этаж. На дверях одной из квартир, к своему счастью, среди списка жильцов он увидел свою фамилию.

«Георгий Иванович Ненашев. Звонить три раза».

Ф.И. Ненашев робко нажал кнопку звонка. Тишина. Рука снова потянулась к звонку. В это время послышались шаги. Приглушенный кашель. Дверь открылась. На пороге стоял молодой мужчина. Федор Ильич сразу же узнал в нем дедушкину фотографию, что и сейчас висит в комнате Ф.И. Ненашева.

Хозяин квартиры удивленно взглянул на незнакомца и заинтересовался:

— Чем могу быть полезен?

Голос у деда не изменился ни на йоту: командные нотки, порочная хрипотца — результат командования кавалерийским взводом.

— Я к вам по срочному делу из «Института красной профессуры».

К этому времени (по расчетам Ф.И. Ненашева) дед уже должен был читать лекции в этом заведении.

— Проходите. — Ненашев-старший пропустил Ненашева-младшего в прихожую.

Они пошли по длинному сумрачному коридорному туннелю и остановились у фанерной двери.

— Прошу. — Георгий Иванович жестом пригласил внука в комнату. Федор Иванович вошел. В комнате стоял кожаный диван.

На этом самом диване дедушка лет 10 тому назад переместился в мир теней.

Круглый покрытый белой скатертью стол.

Он в данный момент должен находиться на кухне Ф.И. Ненашева. Скатерть, правда, лет двадцать назад пришла в негодность и была отправлена за томик А. Блока в утильсырье.

Над столом лампа с зеленым абажуром. Она и сейчас висит на даче сестры Федора Ильича.

— Садитесь. — Г.И. Ненашев указал гостю на диван. — Я вас слушаю?

— Можно стакан воды? Разговор будет долгий, а во рту у меня как в пустыне.

— Конечно, конечно, — Георгий Иванович налил гостю воды из графина. — Пожалуйста.

Федор Ильич жадно выпил, вытер влажные губы «тибетейкой» и начал рассказ. Он поведал о вихре. Сообщил о черном туннеле. Вскользь упомянул о лицах, перенесших клиническую смерть. Рассказал о маскировке одежды. Вспомнил о дворах и темных переходах, которыми брел сюда. Не забыл о лампе с зеленым абажуром, висящей на даче сестры. Полупешотом сообщил деду историю о человеке, обвиненном в шпионаже. Напророчил ему сына Илюшу, который родится ровно через год.

Со стороны это выглядело чистейшим бредом. Это ощущение стало медицинским фактом, когда Федор Ильич заявил:

— Как ни крути, а выходит, что я ваш внук.

От этого заявления дедушка (хотя и умел держать удар, всю жизнь боксировал на ринге) рухнул как подкошенный на диван.

— Подайте мне воды, — попросил Г.И. Ненашев внука.

Федор Ильич незамедлительно выполнил дедушкину просьбу. Георгий Иванович одним глотком осушил стакан и произнес слабым голосом:

— Очень может быть, уважаемый. Очень может быть... Вы простите, я на минуточку. Жена вышла в магазин и оставила на мое печение борщ.

— Бабушка, — умиленно произнес Федор Ильич, — Екатерина Павловна?

— Да, да... бабушка, бабушка. Вы полистайте пока журнальчик... «Крокодил», занимательная штука, я вам скажу... успокаивает, знаете ли.

Георгий Иванович вышел из комнаты. Было слышно, как он гремит кастрюлями. Федор Ильич принялся листать журнал.

На одной из страниц Крокодил вилами колот «Империалистскую гидру». На другой он же метлой выметал на свалку истории «жуликов и прохвостов». На третьей вездесущая рептилия расправлялась с «троцкистскими собаками»...

Федор Ильич хмыкал себе под нос и не услышал, как отворилась дверь.

— Гражданин, — окликнул Ф.И. Ненашева мужской голос. — Слышите, гражданин?

Федор Ильич перевел глаза от «троцкистских собак» на окликнувший его голос. Перед ним стояли трое мужчин на одно лицо: бледные, каменные, непроницаемые, и мать родная перепутает, в одних и тех же костюмах, в туфлях одной и той же фабрики.

— Ваши документы, — потребовал один из них.

— Что? — переспросил Федор Ильич.

— Документы ваши, — повторил вопрос его напарник.

— И побыстрей, — потребовал третий.

Голоса у них были до децибела похожи: глуховатые, нагловатые, не терпящие возражений.

— Видите ли... у меня... так получилось, нет документов.

Федор Ильич в беспомощности развел руками.

— Тогда пройдемте с нами.

Проходя мимо кухни, Федор Ильич увидел дедушку, энергично мешающего пустую кастрюлю.

Ненашев-младший хотел было бросить в его адрес какую-нибудь уничижительную формулировку, типа ренегат! Или еще лучше рассказать ему, как во времена гласности и плюрализма дедушка рассказывал внуку, что он никогда не писал доносов на людей. Хотя по роду своей службы и должен был это делать.

— Да разве я, я — русский интеллигент — мог строчить доносы! Нет! Нет и нет!

Горячился, рассказывая о своем прошлом, Георгий Иванович...

Федора Ильича вывели из подъезда и грубо затолкали в сумрачный ЗИС. Автомобиль, набирая обороты, полетел по знакомо-незнакомому городу.

«Может, это ребята из института времени? — мелькнула спасительная мысль. — Может, я зря на деда наехал? Вдруг они помогут мне переместиться обратно...»

Автомобиль остановился возле дома, на фасаде которого, как ни вертел головой Ф.И. Ненашев, он не нашел надпись «Институт Времени», а отыскал на нем зловещую аббревиатуру «НКВД».

Троица ввела Федора Ильича в здание и передала в руки дежурного — ладно скроенного молодца.

— Руки за спину, — приказал крепыш. — По пути следования не оборачиваться. Вперед марш! Федор Ильич пошел широким мрачным (пахнувшим горем) коридором. Спустился по лестнице. Прошел тесным проходом. Вновь лестница. Темный подвал.

— Стоять, — приказал охранник. — Лицом к стене.

Лязгнул замок.

— Заходи, — скомандовал молодец.

Вновь клацнула щеколда. Федор Ильич остался один в тесной камере. От стен тянуло холодом. С потолка монотонно капала вода. Спертый воздух хранил запах чьих-то слез, пота и крови...

Под утро теми же лестницами и коридорами Ф.И. Ненашева доставили в кабинет.

— Я вас внимательно слушаю.

Федор Ильич тотчас же признал в следователе своего соседа — всесоюзного пенсионера, заслуженного работника Комитета безопасности: тихого, скромного благообразного старичка — Ивана Петровича Меринова. Правда, сейчас Иван Петрович был молод, свеж, упруг и далеко не благообразен.

— Ну, что ты молчишь, словно топор проглотил. Рассказывай. — Меринов размял папиросу. — Я тебя внимательно слушаю.

— Видите ли...

Федор Ильич вновь рассказал о вихре, туннеле, назвал следователю его имя, фамилию и точную дату его кончины.

— Вот, пожалуй, и все, — закончил Федор Ильич.

— Нет, не все. — Иван Петрович раздавил в пепельнице окуроч. — Когда и в каком месте перешел государственную границу СССР?

— Послушайте, Иван Петрович. Я не знаю, как я пересек временную границу, но случилось это в нашем городе 70 лет спустя... на бульваре.

Сильная боль пронзила Федора Ильича. Стул под ним зашатался, и подследственный рухнул на пол.

Иван Петрович сапогом наступил Ненашеву на горло и злобно прошипел:

— Ко мне обращаться только гражданин начальник. Понял?

— Хры-ы-ы-ры, — прохрипел Ненашев.

— А раз понял, отвечай... Когда и в каком месте переходил государственную границу СССР?

Меринов вернулся за стол.

— Но я, правда, — сплевывая кровь, заговорил Федор Ильич, — потерявшийся во времени человек.

— Тут уже таких, как ты, затерявшихся, — девять человек собралось, и все они уже сознались, что переходили польскую границу. Я бы советовал тебе, чтобы меня особо не путать, последовать их примеру... то есть тоже перейти польскую границу. Ну как, лады?

В голове у Ненашева мелькнули строчки, листы и главы из книг: Шаламова, Солженицына, Гинзбург... Закрутились кадры кинохроники.

«Лучше сознаться, — подумал Ненашев. — Зачем подвергать себя лишним мучениям. Все равно в мой “временной” бред никто не поверит».

— Хорошо. Дайте мне бумагу, — попросил он следователя.

— Вот и добро.

Иван Петрович положил перед Ненашевым лист бумаги, подвинул чернильный прибор и весело сказал:

— Строчи, Герберт Уэллс...

Иван Петрович прочел написанное и одобрил:

— Складно пишешь... молодец. А этот, у которого тебя взяли... не связной твой часом?

«Какая прекрасная возможность сдать деда и не появиться больше на этом треклятом белом свете! — подумал Ненашев. — Не видеть этого безобразия под названием “жизнь”... Нет, хер вам! Я все за-

помню! Вновь явлюсь на этот свет и плюну в рожу этому благообразному приветливому старичку Меринову, который любил говаривать за рюмкой коньяка: “Все это вранье, Федя! Ложь и провокация! Мы, Федюня, будет тебе известно... мы, понимаешь, в органах никого и никогда не били и не истязали. Мы, Федька, в отличие от этих сегодняшних дерьмократов, законность соблюдали! Ну, будем здоровы!”. Я приду в этот мир, чтобы презрительной улыбкой встретить дедушкин рассказ о спасенном им человеке...»

— Нет, к этому человеку я зашел случайно, — ответил Ф.И. Ненашев.

— Ставь число и подпись... В камеру! — приказал И.П. Меринов вошедшему в кабинет охраннику...

Через неделю выездная тройка приговорила Федора Ильича Ненашева к высшей мере социальной защиты — расстрелу.

Станислав Алексеевич Мудрик зашел в кабинет президента страны.

— Прошу вас. — Президент (тщедушного вида человек) указал на стул. — Ну, как прошли испытания ускорителя? Докладывайте.

— Здесь отчет. — Станислав Алексеевич подвинул хозяину кабинета компакт-диск.

— Да — это понятно. Это мы прочтем. Вы на словах расскажите... Были ли во время эксперимента какие-либо эксцессы? Ведь в прессе звучали слова о приближающемся Армагеддоне!

— Эксцессы были, и Армагеддон имел место, но для ограниченно-го количества людей. Так сказать, частный Армагеддон.

— Что вы имеете в виду? — Президент с интересом взглянул на собеседника. — Поподробней, пожалуйста.

— Во время разгона ускорителя у нас возникла небольшая утечка... и, по всей видимости, образовалась микроскопическая черная дыра, а может быть, временная воронка... в общем, в городе пропали... кажется... десять человек. Возможно, их поглотила черная дыра, или они попали в другое временное измерение. Но шума в прессе не было. Мало ли людей исчезает в нашей неразберихе. Одним словом, на фоне Европейской катастрофы наши десять человек такой пустяк, что и говорить смешно.

— Да, я слышал, что у европейцев вырвавшаяся антиматерия снесла целый город. Я, кстати, боялся, что и у нас подобное произойдет.

— Нет, слава Богу, все прошло гладко. Как не крути, а у нас успех! В нашем, а не в их ускорителе растет как на дрожжах новая Вселенная! — отпарпортовал С.А. Мудрик.

— Поймали-таки мы Бога за бороду. — Президент отечески взглянул на Станислава Алексеевича.

— Или он нас за яйца, — сострил С.А. Мудрик. — Пока не ясно! Разговор на этом и закончился...

Весной во второй половине XX века в семье инженера Ильи Георгиевича Ненашева родился первенец Федор.

В первой половине XXI века, бредя по многолюдному бульвару, Федор Ильич Ненашев встретил старинного друга Станислава Алексеевича Мудрика.

— Сколько лет, сколько зим... — Друг обнял Федора Ильича и трижды поцеловал его в щеки. — Как живешь, старина?

— Живу, Стас, так, что, когда помру, впрямую будет написано: «Родился мертвый».

